

УДК 821.161.1

В. Шаламов и И. Бродский: представления об искусстве**Кротова Дарья Владимировна**

Кандидат филологических наук, преподаватель,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: da-kro@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительной характеристике представлений об искусстве двух крупных поэтов второй половины XX века – Варламу Шаламову и Иосифу Бродскому. Анализируются как сходные элементы эстетических концепций авторов (представление о том, что не поэт управляет языком, а язык поэтом; о рифме как конструктивной основе стихотворения; о творческом процессе как отбрасывании ненужного), так и кардинальные расхождения (в понимании соотношения биографии и творчества поэта; этического и эстетического начал в искусстве). Проведенный сопоставительный анализ доказывает, насколько для эстетических представлений, реализованных в литературе второй половины XX века, оказываются значимыми два параллельных вектора – опора на традицию и ее отрицание.

Для цитирования в научных исследованиях

Кротова Д.В. В. Шаламов и И. Бродский: представления об искусстве // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 261-272.

Ключевые слова

Шаламов, Бродский, литература XX века, русская поэзия, этика и эстетика в литературе, творческий процесс, язык и литература, биография и творчество.

Введение

В. Шаламов и И. Бродский – творческие личности, казалось бы, крайне далекие друг от друга. Весьма несходны их художественные миры, взгляды, творческая генеалогия. Обращает на себя внимание и принципиальное различие их судеб: Бродский, несмотря на пережитые гонения, был широко признан во всем мире при жизни, – и Шаламов, остававшийся до конца 80-х годов столь малоизвестным читателю. Но, при всех очевидных различиях творческих судеб художников, оба они репрезентируют один и тот же этап русской литературной истории второй половины XX века. Хотя возрастная разница между этими двумя художниками весьма существенна (Шаламов старше Бродского на тридцать три года), творчество обоих во многом формирует литературный каркас той эпохи, которую ограничивают 1950-ми – концом 1980-х годов [Голубков, 2016, 210-231].

И Шаламов, и Бродский реализовали себя в самых различных сферах словесного творчества: поэзии, прозе, драматургии. Но в историю литературы оба вошли еще и как мыслители об искусстве – оба являются авторами ряда эссе, где высказывают свои представления о литературе, ее задачах и содержании, ее источниках и движущих силах, о ходе творческого процесса и т. п. И если эссеистика Бродского на сегодняшний день изучена достаточно подробно, то в случае с Шаламовым дело обстоит сложнее – как справедливо отмечает В.В. Есипов, «наши современники очень мало потрудились над тем, чтобы по достоинству оценить его как мыслителя» [Есипов, 2016, 3]. А ведь Шаламов, как и Бродский, является автором оригинальной и интересной эстетической концепции. Актуальной задачей представляется сравнение тех представлений об искусстве, которые выражены в творчестве двух этих авторов, поскольку это важно для понимания и характеристики литературного периода второй половины XX века.

Представления о литературе выражены Шаламовым и Бродским преимущественно в эссе и очерках. Но в ходе исследования мы привлекаем и поэтическое наследие обоих авторов, поскольку в поэзии, как и в эссеистике, Шаламов и Бродский отражают комплекс своих суждений об искусстве.

При изучении тех взглядов на литературу, которые выражены Шаламовым и Бродским, обращает на себя внимание и глубокое сходство в ряде аспектов, и столь же существенное расхождение. Задача, которая поставлена в данной статье, состоит в раскрытии обеих этих граней.

Сходные элементы эстетических концепций В. Шаламова и И. Бродского

Кардинальное сходство тех представлений, которые свойственны Шаламову и Бродскому, заключается в понимании механизмов творческого процесса. И для Шаламова, и для Бродского «перводвигателем» поэзии является сам язык. Не поэт «управляет» языком и выстраивает стихотворение, а язык «управляет» поэтом. Шаламов неоднократно говорил о том, что «поисковым инструментом» стиха является рифма, т. е. течение стиха определяется языковой логикой. Шаламов размышлял об этом и в ряде статей, и в письмах (например, к Б.Л. Пастернаку). Так, в эссе «Рифмы» Шаламов утверждает, что именно рифма, как «магнитный поисковый инструмент», «двигает пласты событий, впечатлений» [Шаламов, 1998, Т. 4, 317]. В эссе «Свободная отдача» Шаламов говорит о том, что поэт – «прибор, с помощью которого природа рассказывает о самой себе» [там же, 320], т. е. сам поэт представляет собой всего лишь средство или, говоря словами Бродского, «инструмент». Этот принцип оказывается значимым не только для Шаламова-поэта, но и для Шаламова-прозаика: в «Колымских рассказах» «он не только стремился воплотить нравственные „формулы“, как любил говорить, но и испытывал тот первоначальный толчок, который исходит от словесной формы, от звукового потока» [Волкова, 2005, 36].

Размышления Бродского на эту тему поразительно сходятся с шаламовскими. Бродский (в Нобелевской лекции, в частности) высказывает мысль о том, что «не язык является его [поэта – Д. К.] инструментом», а, напротив, поэт – «средством языка к продолжению своего существования» [Бродский, Малое собрание..., 2017, 822]: «Хороший поэт – всегда орудие своего языка, но не наоборот» [Бродский, 1997, 4]. Как отмечает И.Б. Ничипоров, «художественный язык видится Бродскому в качестве ценностной, мыслящей и саморефлексирующей субстанции» [Ничипоров, 2004, 124]. Бродский подчеркивает, что именно рифма становится конструктивной основой стихотворения: «...с помощью одного слова, одной рифмы пишушему стихотворение удастся оказаться там, где до него никто не бывал, – и дальше, может быть, чем он сам бы желал» [Бродский, Малое собрание..., 2017, 823]. Таким образом, понимание путей поэтического творчества у Шаламова и Бродского оказывается во многом близким и сходным.

Необходимо отметить, что подобное видение поэта и его творчества было свойственно не только Шаламову и Бродскому. Хрестоматийно известны строки Цветаевой: «Поэта – далеко заводит речь». Эти строки не случайно цитируются Бродским в эссе «Поэт и проза». Цветаева в стихотворной форме высказывает ту же идею, что сама речь, сам язык ведет поэта. Но подобное представление о поэзии в действительности имеет древние, античные корни. И заслуга Шаламова и Бродского заключается не в том, что они впервые приходят к подобным суждениям о поэте, а в том, что в литературе второй половины XX века эти представления

наиболее отчетливо сформулированы и теоретически осмыслены именно этими авторами.

Представление о том, что важнейшим началом в процессе сочинения стихов является сам язык, диктует и ряд других сходных позиций в эстетических системах Шаламова и Бродского. Например, убежденность обоих поэтов, что творческий процесс – это не поиск нужного, а отбрасывание ненужного. Шаламов отчетливо формулирует эту мысль в статье «Таблица умножения для молодых поэтов»: «Поэт ничего не ищет. Творческий процесс – это не поиски, а отбрасывание того безмерного количества явлений, картин, мыслей, чувств, идей, являющихся мгновенно в мозгу поэта на зов рифмы, звукового повтора в строке» [Шаламов, 1998, Т. 4, 296]. В эссе «Поэт и проза» Бродский тоже утверждает, что «отбрасывание лишнего, само по себе, есть первый крик поэзии – начало преобладания звука над действительностью» [Бродский, Поэт..., 2017, 210]. Говоря об «отбрасывании» лишнего, Шаламов и Бродский вкладывают в эти слова далеко не тождественные смыслы, но общность представлений поэтов о творческом процессе как отсечении ненужного, а не привлечении нужного очевидна.

При том понимании поэтического творчества, которое свойственно Шаламову и Бродскому, естественным у обоих выглядит утверждение, что поэт, сочиняя стихотворение, никогда не знает, чем оно закончится. Шаламов в статье «Таблица умножения для молодых поэтов» заключает, что «в стихах поэту не должно быть все заранее известно до того, как стихотворение начато. Иначе незачем писать стихи» [Шаламов, 1998, Т. 4, 296]. Это утверждение во многом родственно той мысли, которая высказана Бродским в Нобелевской лекции: «Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось» [Бродский, Малое собрание..., 2017, 823].

Подобное отношение к процессу творчества (как к руководимому, прежде всего, самим языком, и лишь в малой степени – усилиями поэта) диктует обоим авторам и сходные критерии оценки поэтических произведений: и Бродский, и Шаламов полагают, что хороших и плохих стихов не существует, а «есть стихи и не стихи». Так выразил эту мысль Шаламов в очерке «Двадцатые годы» [Шаламов, 2013, 352], и в таком же ключе сформулировал свое суждение Бродский в эссе «Зачем российские поэты?..»: «...поэзия либо есть, либо ее нет» [Бродский, 1997, 4].

Принципиальные расхождения в эстетических концепциях В. Шаламова и И. Бродского

При столь очевидных схождениях эстетических систем Шаламова и Бродского, при явных общих чертах в понимании самих механизмов художественного творчества и процесса сочинительства, очевидны и глубокие расхождения в представлениях этих поэтов об искусстве. Прежде всего эти расхождения касаются понимания источников творчества. Оба

поэта размышляют о том, что является содержательной базой для искусства, о том, где искусство черпает свое смысловое богатство. Ответ на этот вопрос у Шаламова и Бродского оказывается принципиально различным. Шаламов нередко повторял и в своих стихах, и в прозе, что единственно возможный подлинный источник творчества – это пережитая судьба поэта. Содержанием искусства становится та трагедия, которую испытал художник. «Без чистой крови нет стихотворений, нет стихотворений без судьбы, без малой трагедии», – утверждает Шаламов в эссе «Кое-что о моих стихах» [Шаламов, 1998, Т. 4, 355]. Настоящая поэзия начинается только тогда, по его мысли, когда художник пережил подлинную жизненную драму. Так, Шаламов придерживался мнения, что ранний Пушкин – это еще не поэт в полной мере: «В лицейском Пушкине еще нет поэта, и напрасно школьников заставляют учить „Воспоминания в Царском Селе“» [там же, 295]. Настоящая же поэзия Пушкина родилась тогда, когда поэт столкнулся со сложными жизненными перипетиями.

Об этом же Шаламов постоянно говорит и в своих стихах:

Стихи – это судьба, не ремесло,
И если кровь не выступит на строчках,
Душа не обнажится наголо,
То наблюдений, даже самых точных,

И самой небывалой новизны
Не хватит у любого виртуоза,
Чтоб вызвать в мире взрывы тишины
И к горлу подступающие слезы [Шаламов, 1998, Т. 3, 393].

«Стихи – это судьба», – такое определение поэзии оставалось для Шаламова актуальным на протяжении всего творческого пути. Пока в стихотворении не прозвучит пережитая горе – стихотворение не обретет силу убедительности. «Пока в строках не выступит живая кровь – поэта еще нет, есть только версификатор» [Шаламов, 1998, Т. 4, 312].

Бродский мыслил содержательные источники лирики прямо противоположным образом. Он многократно подчеркивал, что творчество не связано с судьбой поэта, с теми событиями, которые ему пришлось пережить и осмыслить. Пережитый опыт, который Шаламов ставил во главу угла и которому отводил столь значимую роль, Бродским воспринимался как нечто не имеющее большой ценности для искусства: «В изящной словесности, как и в музыке, опыт есть нечто вторичное. У материала, которым располагает та или иная отрасль искусства – своя собственная линейная, безоткатная динамика. Потому-то снаряд и летит, выражаясь

фигурально, так далеко, что материал диктует. А не опыт. Опыт у всех более или менее один и тот же» [Волков, 2012, 74]. Точка зрения Бродского, как видно из приведенной цитаты, антагонистична шаламовской: искусство живет по своим собственным, имманентным законам, опыт художника не играет значительной роли. Представить себе подобные суждения в устах Шаламова невозможно (в особенности высказывание о том, что «опыт у всех более или менее один и тот же»). Точки зрения Бродского и Шаламова в этом отношении воспринимаются как полюса. И насколько часто Шаламов проводил в стихах и прозе свою идею, настолько постоянен был и Бродский в выражении своего мнения. Помимо приведенной цитаты, можно найти множество других высказываний, где Бродский говорит о том же. Например, в эссе «Поэт и проза», размышляя о Цветаевой, он замечает: «Биографии не оставалось ничего другого, кроме как следовать за голосом, постоянно от него отставая, ибо голос – перегонял события: как-никак, скорость звука. Опыт вообще всегда отстает от предвосхищения» [Бродский, Поэт..., 2017, 208-209]. На специфику суждения Бродского о биографии художника (точнее, о том, что биография ничего для художника не определяет) не раз обращали внимание исследователи. Так, Л. Лосев в своей книге о Бродском отмечает: «Принципиально его позиция сводилась к тому, что у зрелого поэта не жизненный опыт и бытие влияют на стихи, а, наоборот, стихи могут влиять на бытие или создаваться безотносительно к непосредственному жизненному опыту, „параллельно“» [Лосев, 2010, 12].

Шаламов утверждал, что поэзия – прямое следствие пережитого, что стихи пишутся «кровью», в них автор переливает свою боль. А Бродский полагал, что писать стихотворения «кровью» просто невозможно: «Когда пишешь, то стараешься сделать это как можно лучше. То есть подчиняешься требованиям музыки, языка, требованиям литературы. А лучше – это не всегда правда. Или: это правда большая, чем правда опыта. То есть ты стремишься создать трагический эффект тем или иным образом, той или иной строчкой и невольно как бы грешишь против истины: против собственной боли» [Волков, 2012, 326]. Переживание, выраженное средствами искусства, по Бродскому, невольно отступает от правды, обретая специфически-художественную форму.

Другое важнейшее расхождение в представлениях об искусстве, свойственных Бродскому и Шаламову, заключается в кардинально различном понимании того, как соотносятся эстетическое и этическое начала. Шаламов принципиально делал акцент на этической стороне творчества. Он полагал, что основная «задача поэзии – это нравственное совершенствование человека – та, та самая задача, которая стоит в программе всех социальных учений, спокон веков лежит в основе всех наук и всех религий. Никакой другой задачи ни у каких поэтов, хотя бы и Виллонов, – нет» [Шаламов, 1998, Т. 4, 395]. Цель искусства, по Шаламову, «одинакова с религией, с наукой, с политическим учением – сделать человека лучше, добиться, чтобы нравственный климат мира стал чуть-чуть лучше...» [там же, 295]. Шаламов постоянно

подчеркивал этическую грань и творчества, и личности поэта (например, стихотворение «Орудье высшего начала...»), где четко обозначена моральная задача поэта и поэзии). Этические, прежде всего, задачи преследует и проза Шаламова, не случайно автор утверждал, что «в „Колымских рассказах“ нет ничего, что не было бы преодолением зла, торжеством добра, – если брать вопрос в большом плане, в плане искусства» [там же, 362].

Бродский же в своих размышлениях об искусстве выводит на первый план собственно эстетическое начало. «Эстетика – мать этики», – предельно отчетливо формулирует Бродский свою идею в Нобелевской лекции [Бродский, Малое собрание..., 2017, 816]. Развивая высказанное суждение, Бродский замечает: «...понятия „хорошо“ и „плохо“ – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории „добра“ и „зла“» [Бродский, Малое собрание..., 2017, 816]. Движущая сила поэзии, с точки зрения Бродского, это сам язык, а «язык к этическому выбору не способен» [Бродский, Малое собрание..., 2017, 822]. Но при том, что этическое начало в искусстве, по мнению Бродского, является производным по отношению к эстетическому, нельзя отрицать глубокого нравственного пафоса его поэзии – им пронизаны стихотворения, посвященные осмыслению евангельских сюжетов, событий мировой истории, а также те, которые связаны с темой творчества, поэзии (один из ярчайших примеров – хрестоматийно известное «На столетие Анны Ахматовой»).

Предназначение и функции искусства по В. Шаламову и И. Бродскому: параллели и противопоставления

В вопросе, касающемся предназначения искусства и его роли, позиции Шаламова и Бродского также в чем-то сходятся, но по ряду положений оказываются и резко различными. Сходство заключается в том, что оба осознают поэзию, слово как главную опору и основное содержание бытия – как своего частного существования, так и бытия мира вообще. Шаламов отводил поэзии главенствующее место в своей мировоззренческой системе настолько значимое, что даже уподоблял ее религии («...для поэта стихи – религия» [Шаламов, 1998, 499]). Многократные подтверждения этому суждению Шаламова находим и в его лирике – например, в стихотворении «Поэзии», которое представляет собой не просто лирический монолог, а своего рода молитву, обращенную к Поэзии:

Если сил не растрочу,
Если что-нибудь значу,
Это сила и воля – твоя.

В этом – песни значенье,

В этом – слов обличенье,

Немудреный секрет бытия [Шаламов, 1998, Т. 3, 324].

Подобные представления Шаламова о поэзии вполне могут быть сопоставлены с теми, которые высказывал Бродский. С точки зрения Бродского, слово тоже является некоей глобальной основой сущего. Не случайно само название одного из ключевых сборников Бродского – «Часть речи». Речь, произнесенное слово понимается поэтом как важнейшая, основополагающая категория всего мирового процесса. Это именно то, что определяет личность, составляет самую ее суть, и то, что остается в памяти других о том или ином человеке: «От всего человека вам остается часть / речи. Часть речи вообще. Часть речи» [Бродский, Малое собрание..., 2017, 253]. Именно слово нередко становится для Бродского, как и для Шаламова, единственной опорой и единственной формой противостояния миру: «Зазимую же тут, с черной обложкой рядом, / пронизанной стужей снаружи, отсюда – взглядом, / за бугром в чистом поле на штабель слов / пером кириллицы наколов» [Бродский, Малое собрание..., 2017, 251]. Поэзия у Бродского, как и Шаламова, выступает порой как единственный собеседник – например, в стихотворении «Тихотворение мое, мое немое...». Примечательно, что в упомянутом стихотворении используется изобретенное поэтом слово «тихотворение» – то же слово ввел в свой поэтический лексикон десятилетием ранее Шаламов: «Стихотворения – тихотворения, / И это – не обмолвка, нет, / Такие они с рождения, / С явления на белый свет» [Шаламов, 1998, Т. 3, 400].

Выявленные параллели свидетельствуют об очевидном соответствии в понимании поэзии у Шаламова и Бродского. Но расхождения оказываются не менее существенными. Так, для Шаламова поэзия – это всегда спасение. Шаламов много раз говорит о том, что смог выжить в лагере именно благодаря стихам: «Я знаю, что у каждого человека здесь было свое самое последнее, самое важное – то, что помогало жить, цепляться за жизнь, которую так настойчиво и упорно у нас отнимали <...> моим спасительным последним были стихи – чужие любимые стихи, которые удивительным образом помнились там, где все остальное было давно забыто, выброшено, изгнано из памяти. Единственное, что еще не было подавлено усталостью, морозом, голодом и бесконечными унижениями» [Шаламов, 1998, Т. 1, 117]. Бродский мыслит творчество несколько иначе: оно может быть не только спасительно, но и губительно. В стихотворении «Осенний крик ястреба» этот комплекс смыслов выражен особенно явно: творчество – это подъем на небывалые высоты, но взлет оказывается для художника гибельным, за достигнутые победы поэт платит собственной жизнью. По Шаламову,

творчество приносит боль, и это неизбежно, потому что художник пишет «кровью», он вновь переживает случившиеся страшные события, но эта боль никогда не бывает губительной, она не убивает. По Бродскому же, творчество – это сила, способная уничтожить самого творца.

Интересным аспектом анализа было бы и сопоставление «поэтического пантеона» Шаламова и Бродского. Он оказывается одновременно и сходным, и глубоко различным: так, к числу несомненных вершин этого пантеона оба автора относят Баратынского. Шаламов в комментарии к стихотворению «Баратынский» отмечал: «Тютчев и Баратынский – вершины русской поэзии. „Разуверение“ Баратынского – лучшее русское лирическое стихотворение. В двадцатые и тридцатые годы имена Тютчева и Баратынского едва упоминались в школьных учебниках, хотя надо бы учить каждую их строку» [Шаламов, 1998, Т. 3, 452-453]. Бродский оценивал творчество Баратынского в сходном ключе. По воспоминаниям К. Проффера, «в 1969-м и еще некоторое время после этого Иосиф утверждал, что самый великий русский поэт – Баратынский <...> Сначала я подумал, что Баратынский – временная любовь, поскольку нас предупреждали, что Иосиф способен радикально менять свои воззрения, но работа Иосифа над английскими поэтами-метафизиками, не говоря уж о его собственных стихах, явно имеет некоторую связь с характерной для Баратынского поэзией мысли» [Проффер, 2017, 206-207]. И Шаламов, и Бродский с вниманием относились к тем достижениям, которые дал литературе акмеизм, оба сходились в высочайшей оценке поэтического наследия Мандельштама. В то же время, в отношении ряда поэтов мнения Шаламова и Бродского принципиально не совпадали: так, Шаламов причислял Блока и Гумилева к числу наиболее значительных русских поэтов, а Бродский относился к творчеству обоих более чем сдержанно [Минчин, 2001, 34; Волков, 2012, 336].

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ демонстрирует как сходные черты, так и кардинальные различия художественных установок двух крупных поэтов XX века. Общие элементы – в понимании искусства как бытийной основы, слова и рифмы как движущей силы стихотворного произведения – сочетаются у Шаламова и Бродского с принципиально различными представлениями об источниках поэтического творчества, о соотношении этического и эстетического начал в искусстве.

Подобный анализ доказывает, насколько для эстетических представлений, реализованных в литературе второй половины XX века, оказываются значимыми два противоположных вектора – опора на традицию и ее отрицание. И Бродский, и Шаламов наследуют комплекс

традиционных для русской культуры представлений, в частности, оба поэта мыслят литературоцентрично, именно слово они помещают в центр культурной парадигмы. Но при этом характер литературоцентризма Бродского не вполне вписывается в рамки традиции: явным отступлением от нее выглядит идея Бродского о том, что этическое в искусстве является лишь следствием эстетического (идея, не абсолютно новая для русской культуры, но никогда не занимавшая в русской традиции центрального положения). Облик литературной истории XX века во многом и определяется подобной диалектикой традиционных и новаторских эстетических установок.

Библиография

1. Бродский И. Зачем российские поэты?.. // Звезда. 1997. № 4. С. 4-5.
2. Бродский И. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 880 с.
3. Бродский И. Поэт и проза // Бродский И. Дитя цивилизации: Избранные эссе. СПб.: Лениздат, Книжная лаборатория, 2017. С. 201-221.
4. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2012. 445 с.
5. Волкова Е.В. Абрис творчества Варлама Шаламова как эстетического феномена // Волкова Е.В. Встреча искусства с эстетикой. О философских проблемах диалога искусства и эстетики в XX веке. М.: Современные тетради, 2005. С. 36-67.
6. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века. М.: Юрайт, 2016. 372 с.
7. Есипов В.В. «Доказательства надо представлять самому» // Шаламов В. Из глубины. Мысли и афоризмы. М.; СПб.: Летний сад, Университетская книга, 2016. С. 3-14.
8. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2010. 447 с.
9. Минчин А. 20 интервью. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2001. 352 с.
10. Ничипоров И.Б. О духе и стиле эссеистской прозы И. Бродского о М. Цветаевой // Эйхенбаумовские чтения-5. Художественный текст: история, теория, поэтика. Вып. 5. Ч. II. Воронеж, 2004. С. 123-128.
11. Проффер К. Без купюр. М.: АСТ: CORPUS, 2017. 288 с.
12. Шаламов В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Художественная литература, Вагриус, 1998.
13. Шаламов В. Собрание сочинений: в 6 т., Т. 7 (доп.). Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 640 с.

V. Shalamov and I. Brodsky: ideas of art**Dar'ya V. Krotova**

PhD in Philology, Lecturer,

Lomonosov Moscow State University,

119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;

e-mail: da-kro@yandex.ru

Abstract

This article analyzes the ideas about art embodied in the works of two major poets of the twentieth century – Shalamov and Brodsky. The aim of this article is to identify similarities and fundamental differences in the aesthetic concepts of both authors, which in turn allows to come to general conclusions about the nature of the literary process of the second half of the twentieth century. Materials for study are, mainly, the essays of both authors, as Shalamov and Brodsky expressed their opinions about literature in the essays, also the study involves poetic heritage of both authors. The author uses mainly comparative method. It gives the possibility to reveal both the similarities of the concepts of Shalamov and Brodsky (the idea that the poet does not control language, but the language controls the poet, the rhyme as a structural basis of the poem; the creative process as the discarding of excess material) and fundamental differences (in the understanding of the relation between the biography and work of the poet, the ethic and aesthetic principles in art). The data, which were obtained from the analysis, are necessary for a more complete and holistic characteristics of the literary process of the second half of the twentieth century, in particular, for understanding the dialectic of tradition and innovation in this period.

For citation

Krotova D.V. (2017) V. Shalamov i I. Brodskii: predstavleniya ob iskusstve [V. Shalamov and I. Brodsky: ideas of art]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 261-272.

Keywords

Shalamov, Brodsky, literature of the twentieth century, Russian poetry, ethics and aesthetics in literature, creative process, language and literature, biography and creative work.

References

1. Brodsky I. (1997) *Zachem rossiiskie poety?* [Why Russian Poets?]. *Zvezda* [Star], 4, pp. 4-5.
2. Brodsky I. (2017) *Maloe sobranie sochinenii* [The collected works]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ.
3. Brodsky I. (2017) *Poet i proza* [Poet and prose]. In: Brodsky I. *Ditya tsivilizatsii: Izbrannye esse* [The child of civilization: Collected essays]. Saint Petersburg: Lenizdat, Knizhnaya laboratoriya Publ., pp. 201-221.
4. Golubkov M.M. (2016) *Istoriya russkoi literaturnoi kritiki XX veka* [The history of the Russian literary critics of the twentieth century]. Moscow: Yurait Publ.
5. Jesipov V.V. (2016) *Dokazatel'stva nado predstavlyat' samomu* [It is necessary to present evidence by yourself]. In: Shalamov V. *Iz glubiny. Mysli i aforizmy* [From the depth. Thoughts and aphorisms]. Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad, Universitetskaya kniga Publ.
6. Losev L. (2010) *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: an experiment in literary biography]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ.
7. Minchin A. (2001) *20 interv'yu* [The 20 interviews]. Moscow: Izografus Publ., Eksmo-Press Publ.
8. Nichiporov I.B. (2004) *O dukhe i stile esseistskoi prozy I. Brodskogo o M. Tsvetaevoi* [On spirit and style of I. Brodsky's essay prose about M. Tsvetaeva]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii po gumanitarnym naukam. "Eikhenbaumovskie chteniya – 5. Khudozhestvennyi tekst: istoriya, teoriya, poetika"* [Proc. Int. Conf. "Readings in memory of B. Eikhenbaum – 5. Literary text: history, theory, poetics"], 5 (2), pp. 123-128.
9. Proffer C. (2017) *Bez kupyur* [Without cuts]. Moscow: AST: CORPUS Publ.
10. Shalamov V. (1998) *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., Vagrius Publ.
11. Shalamov V. (2013) *Sobranie sochinenij v 6 t. T. 7, 4* [Collected works in 6 vols. Vol. 7, 4]. Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek Publ.
12. Volkov S. (2012) *Dialogi s Iosifom Brodskim* [The dialogs with Joseph Brodsky]. Moscow: Eksmo Publ.
13. Volkova E.V. (2005) *Abris tvorchestva Varlama Shalamova kak esteticheskogo fenomena* [The outline of the work of Varlam Shalamov as an aesthetic phenomenon]. In: Volkova E.V. *Vstrecha iskusstva s etsetikoi. O filosofskikh problemakh dialoga iskusstva i etsetiki v XX veke* [Meeting of art with aesthetics. About the philosophical problems of the dialogue of art and aesthetics in the twentieth century]. Moscow, Sovremennye tetradi Publ., pp. 36-67.